

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА.

Крестный путь

(Продолжение. Начало в № 6 от 16.02.2017 г.).

В начале сентября 1918 года отец переправил молоденькую жену, уже носившую меня под сердцем, в Рыбинск к своим родителям, которые перебрались туда от голода и стихии разрушения из исконно родного Петербурга-Петрограда. А там, по воспоминаниям родных, шёл оживлённый обмен продуктами, так как деньги моментально обесценивались...

Передо мной тетрадка в чёрном под кожу переплётё с плотной глянцевиной бумагой. В верхнем левом углу - вензель из букв N и E (Нина Евангулова). На первой странице - ласковая и шутливая папина надпись (старой орфографией), где он просит «...своего толстого белого кота почаще водить по чистым листикам своими замаранными в чернилах лапами». Дата — день Ангела мамы, 27 января (н.ст.) 1918 года.

К сожалению, из первой же маминой, в унисон папиной, записи в тетради явствует, что молодая жена не расположена к ведению дневников. Иначе можно было бы узнать гораздо больше о молодых годах родителей. Строчки из дневника:

«Сегодня я получила от чёрного кота эту тетрадку для того, чтобы я в ней вела свой дневник. Но, увы! Вряд ли мне это удастся, так как мне это всегда казалось пустой и смешной тратой времени».

Бедняжка, она не могла предполагать, что через 19 лет на неё обрушится трагедия, которая вынудит её ещё 35 лет спустя взяться-таки, правда, по моей просьбе, за перо, чтобы в простом и страшном по своей наготе повествовании изложить факты своей 8-летней лагерной жизни. Рукопись и машинописный экземпляр находятся в «Российском государственном архиве экономики» (бывший Центральный Государственный архив народного хозяйства СССР).

Пока же будущая мама записывает в тетрадке:

«Вот уже несколько дней меня не покидают какое-то затуманенное беспокойство и тоска... Если причиной всему моя первая беременность, то это плохо; хотела бы иметь ребёнка весёлого, здорового, жизнерадостного, любящего жизнь, а не нервного и чувствительного, как всё вокруг».

Далее интервалы между заметками неизменно возрастают. Так, 29 января или, например, 11 марта стремительно бегущие чёрненькие строчки жалуются на грусть и одиночество, на неисполнимость желания побыть в родительской семье. И, наконец, только через год с лишним появляются последние записи, констатирующие красными чернилами следующие факты как особо важные:

«Рождение дочери Жени — 1918 года, 27 сентября н.ст.

30 июля 1919 года — прорезался первый зуб, то есть, 10 месяцев и 2-х дней. 1919 год, 1 августа н.ст.».

Хотя событие моего крещения здесь мамой не зафиксировано, из моего свидетельства о рождении ясно, что крещение имело место в начале октября 1918 года в Рыбинской «Домовой церкви при Фроловском приюте», во Фроловском переулке, вблизи бывшего банка.

В конце 1919 года родители переехали в Москву, так как отца пригласили работать в Главное управление Горной промышленности при ВСНХ и дали им жильё — две большие комнаты (20 и 30 метров), что свидетельствует о высокой оценке отца как специалиста уже смолоду. Подтверждают это мамины воспоминания и документы, например, публикация в журнале «Горное дело»:

«Евангулов П.П., будучи избранным в Организационное Бюро Съезда административных и технических сил горного дела, является и членом президиума в числе 4-х человек. На бюро и президиум возлагается вся ответственность по организации и работе съезда.

(Сообщение Кисельникова В.В. от Горного Совета к административному и техническому персоналу горного дела РСФСР // Горное дело. 1920. № 4.С.118.)».

К этому же времени относится интересный документ, хранящийся в оригинале в Российском Гос. Архиве Экономики и любезно для меня откопированный. Речь идёт об объёмном, на 27 машинописных страницах, докладе по досконально проведённому исследованию «Перспективы промышленного развития Кузнецкого района Томской губернии и схема его электрификации», который составил в 1920 году, в связи с известным «Планом ГОЭЛРО», «инж. П.П. Евангулов. Электротехническая часть под редакцией проф. Л.В. Дрейера, (с приложением VIII диаграмм, 14 таблиц и 2 карт)». (РГАЭ, ф.5208, оп.1, ед.хр. 28).

Вернёмся к нашей жизни в Москве тех лет. Комнаты наши, хотя и были великолепами — с высокими потолками, с четырьмя широкими окнами, в бывшем купеческом доме № 5 по Б.Успенскому переулку вблизи

Чистых прудов, входили частью в необъятную 30-комнатную, характерную для тех жестоких времён коммунальную квартиру. Анфилада когда-то фешенебельных комнат была поделена на клетушки.

В той же пропитанной сложными жилими запахами квартире обрёл две комнаты Н.Н. Колосовский, чтобы друзьям быть ближе друг к другу. Многие, в частности и мои родители, избегаясь от ада общественной кухни, где чадили не менее пяти керосинок и шипели примусы, пользовались услугами дозволяемых домработниц.

Случались и трагедии. В отделённом в торце коридора закуточке жила сильно нуждавшаяся немолодая фабричная работница Анна Донатовна с дочкой Талей. В 12 лет несчастная девочка убила себя, выпив уксусную эссенцию, когда в школе её заподозрили в краже наручных часов. Единственный раз я видела у папы на глазах слёзы, когда, приехав к нему (Риддерское месторождение на Алтае), мы рассказали о происшедшем.

В начале 1920-х годов паровое отопление почти нигде не функционировало, обогревались посредством железных печурок — «буржук», поэтому, как пишет мама, «...из-за таких тяжёлых условий мне приходилось отправлять ребёнка из Москвы в Рыбинск, к бабушке...»

С этих именно пор, с 1922-23 годов, включаются мои собственные воспоминания. Тогда же я ощутила ласковое прикосновение духовного мира бабушки и деда — первые уроки чтения по ярко иллюстрированным книжкам: басни И.А. Крылова, «Сказки братьев Grimm» и масса других; трогательные песенки и сказки по вечерам у высокой, до потолка, кафельной печи и колыбельные. Укладывая нас с двоюродным братишкой Тёмой спать, тревожными вечерами дед порой убаюкивал нас колыбельной Чайковского на слова Аполлона Майкова: «Спи, дитя моё, усни, сладкий сон к себе мани...». Бабушка усыпляла нас «Казачьей колыбельной песней» (слова М.Ю. Лермонтова, музыка А.Т. Гречанинова).

Там есть слова:

«Дам тебе я на дорожку
Образок святой.
Ты его, моляся Богу,
Ставь перед собой...».

До второго класса школы я носила подаренный бабушкой золотой крестик, пока не произошло непредвиденное. Мальчишки, заметив на шее соученицы цепочку, принялись насмехаться: «Она верит в Бога!..», - улюлюкать, тыча в меня пальцами.

Очень скоро моё религиозное воспитание пришло в столкновение со школьным, например, при необходимости моего вступления в «пионерии». Помнится, дома это было признано неизбежностью. Заглянув вперёд, скажу, что моё решение в старших классах не вступать ни под каким соусом в комсомол было бесповоротным.

И ещё немного о колыбельных. В середине 1920-х годов, уже в Москве, белокурая, стройная, подобно Диане, мама-Нина, склонясь над моей кроватью, тихонько напевала томлящую пушкинскую «Буря мглого небо кроет...».

И всё-таки самой моей любимой мелодией на сон грядущий была папина нежная серенада Булахова: «Тихо, вечер догорает, горы золотя, знойный сумрак холодает — спи, моё дитя. Смотрят ангельские очи, трепетно блестя...» и так далее.

Из отрывочных, зыбких наплывов памяти рыбинских лет. Вот за утреним завтраком в большой столовой на массивном дубовом столе приветливо шумит русский самовар. Под его крышкой, вокруг трубы, тётя Маруся варит яйца, «в мешочек» или «всмятку». Разостлав аккуратно салфеточку с собственной вышивкой, бабушка кормит внуков. Дедушка собирается на службу.

А однажды в сумерки над городом раздался несусветный рогот, казалось, состоявший из следовавших друг за другом взрывов. Бабушка, держа за руки и успокаивая испуганных внуков, стояла у окна-фонаря в столовой и со страхом взидала на полыхавшее в полнеба зарево. Как выяснилось на следующий день, взлетел на воздух пороховой завод.

И снова, как на сцене, — воспоминания. Блистающий солнечный день с бирюзовыми небесами. Над Рыбинском празднично звенит и бьётся колокольный звон. Пасха! Красавица Маруся ведёт детей — своего сына и племянницу — в церковь причащаться. Мы «расфуфырены»: на Тёме красная белым горошком батистовая рубашка с бантом, на мне — из того же материала разлетающееся платье с оборками, на голове бант. На улицах много народа, лица оживлённые и даже радостные. У нас тоже ощущение чего-то необычного и счастливого, особенно в церкви, где под сводами так красиво поют.

Последним из Рыбинских впечатлений, перед возвращением к родителям в Москву, были многолюдные

демонстрации, шествовавшие под траурные звуки оркестров и пение «Вы жертвою пали...». Метались на ветру красные с чёрной окантовкой флаги. Снова, как и при взрыве порохового завода, бабушка стояла с нами у окна, только теперь в спальне, с трепетом глядя на улицу. Мы допытывались у бабушки: «Где же гроб, если хоронят Ленина?» И, кажется, так и не поняли, почему, если Ленин умер в Москве, хоронят его в Рыбинске.

А вскоре наступил горький для меня день расставания с рыбинскими домочадцами. Однако разлука оказалась недолгой, примерно через год папа перевёз престарелых родителей и разошедшуюся с мужем тётю Марусю с Тёмой в Москву и поселил их на Арбате, на углу Пречистенки. Там их и застал трагический взрыв храма Христа Спасителя, прогремевший по указанию властей в 1931 году.

Итак, Москва. Отец с 1920 года — заместитель начальника технического отдела и заведующий рудничной секцией Горного совета ВСНХ, с 1923 года — начальник горного сектора НК Внешторга и технический и коммерческий директор «Алтайполиметалла». Всё это при твёрдой беспартийности по убеждениям.

С этих пор мне хорошо представляется облик отца. Он высок ростом, очень подвижен, но склонен к полноте. Кудри гимназических лет ушли ещё в студенчестве, появились залысины, увеличивавшие и без того высокий лоб. Глаза тёмные и добрые, одновременно испытующе-проницательные за стёклами очков.

Обаяние его заключалось в доброжелательной улыбке, в способности делать ударение на юмористической стороне явлений и в разносторонней эрудиции: в технике, науке, литературе, музыке. Своей эрудицией он особенно охотно делился с подрастающим поколением. В этом ему помогали два наших застеклённых книжных шкафа, один — с непрерывно пополнявшейся технической и справочной литературой, другой — заветный, с беллетристикой и альбомами по искусству. Тому же способствовала богатейшая дедушкина библиотека с классикой, отечественной и иностранной.

К общему удовольствию, отец, хорошо игравший на скрипке, изредка устраивал дома, вкупе с приятелями, концерты, в основном, трио.

К тому времени условия существования значительно улучшились благодаря нэпу.

Неповторимо живописную картину московского бытия тех лет с несравненным мастерством представил нам М.А. Булгаков в своих рассказах 1921-1923 годов (Булгаков М.А. Москва красноколенная. — Минск: Мастацкая літаратура, 1985.):

«Две фигуры спускаются к трамвайной линии. У одной за плечами зелёный горб на ремнях. В горбе паёк. Зимой пол-Москвы с горбами ходило... А теперь довольно! Получай миллионы — вали в магазины!..

В Эмпее-елисеевских зеркальных стёклах... Икра чёрная лоснится в банках, сиги копчёные. Пирамиды яблок, апельсинов... К окну какой-то самоистязатель прилип носом, выкатил глаза на люстры-гроздьи, на апельсины... Пропал с 18-го по 22-й год!».

Разве не похоже на современное реформаторство? Правда, у Булгакова есть и такое: «Вывеска на вывеске... И в пёстром месиве слов, букв на чёрном фоне белая фигура — скелет руки к небу тынет. Помогли! Голод... Бегут нувориши мимо стен, не оглядываются».

И по воскресеньям же, когда папа, вольготно расположившись в отодвинутом от письменного стола кожаном кресле, любил насладиться чтением, во второй комнате жизнерадостная мама, предпочитавшая, правда, напевать меланхолические романсы наподобие «Утра туманного», склонив русоволосую голову над дубовым столом на четырёх грифонах, была поглощена кройкой и шитьём для кого-либо из членов нашей маленькой семьи. Это она умела делать безукоризненно. Все отмеренные маме сравнительно благополучные двадцать лет семейной жизни, пролетевшие, с её слов, как мгновение, она принадеждала к клану домашних хозяек.

Отступив от последовательности изложения, скажу, что в 1983 году, ровно за год до смерти мамы, к нам неожиданно вернулось через долгие 46 лет то самое папино кресло, не заинтересовавшее в 1937 году энкаведистов при обыске. Пройдя ряд родных и друзей, оно было сохранено и передано нам Ниной Николаевной Зиминной (Зимина Нина (Антонина) Николаевна, урожд. Колосовская (1896-1992) — сестра Н.Н. Колосовского).

(Продолжение в следующем номере).